

МАТУШКА ВОЛГА

1906

№ 2.

Д

Политика, вопросы общественные, жизнь Поволжья, наука и искусство, беллетристика, критика и библиография, русское судоходство, справочный отдѣлъ, юмористическія статьи и объявления.

Выходитъ въ Н.-Новгородѣ 2 раза въ недѣлю. Контора и редакція помѣщается на Большой Покровкѣ, въ домѣ Гусева.
Открыта ежедневно отъ 1 час. дня до 7 час. вечера. (Личныя объясненія отъ 1 час. до 4 час. дня).

Возвращеніе рукописей для редакціи не обязательно.

Объявленія 30 к. за строку петита впереди текста и 15 к. за строку позади текста. Спросъ и предложенія труда со скидкой.

С.-Петербургская Компания
„НАДЕЖДА“

отправляет пароходы:

въ АСТРАХАНЬ и порты Каспійскаго моря въ 4 ч. дня.
 Въ КАЗАНЬ—ежедневно въ 4 ч. дня.
 Въ РЫБИНСКЪ ежедневно въ 3 ч. дня пассажирская линия.
 „ „ „ „ въ 10 ч. веч. скорая линия.
 Въ ВАСИЛЬ-СУРСКЪ—ежедневно въ 6 час. вечера.
 Отвалъ пароходовъ изъ РЫБИНСКА въ ЧЕРЕПОВЕЦЪ
 черезъ день въ 2 ч. дня.

ПАРОХОДСТВЪ

У. С. КУРБАТОВА И-цы

О. П. НАРПОВОЙ

отправляет въ КАЗАНЬ и ПЕРМЬ

въ 12 ч. дня буксиро-пассажирск. въ 3 ч. дня легко-пас. америк. типъ.
 Такса на провозъ пассажировъ прошлагодня, даемле всѣхъ другихъ па-
 роходствъ.

СРОЧНО ВОДОЙ

въ Москву, Рязань, Коломву, Бронницы и
ОБРАТНО

принимает на доставку грузы въ крытыхъ желѣзныхъ
 баржахъ

Акционерное Пароходное Общество

„ОКА“

Отправленіе ТРИ РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ. Сроку доставки 6—8 дней,
 не болѣе.
 За справками обращаться въ контору О-ва «ОКА», Сибирская пристань
 на Стрѣлкѣ.

— Телефонъ. —

Товаро-пассажирское пароходство по р. Окъ Н-въ

А. В. Качкова.

до МУРОМА . . . . . въ 10 ч. утра.
 „ РЯЗАНИ . . . . . въ 12 ч. дня.
 „ МУРОМА . . . . . въ 6 ч. веч.

Пріемъ грузовъ производится на Город. пристани въ Благовѣщенской
 слободѣ пр. ав. Калашниковъ. Телефонъ 354.

Пароходное О-во по „ВОЛГЪ“

учрежденное въ 1843 г.

Пріемъ грузовъ производится на Городской и Сибирской пристаняхъ.

Пароходство М. К. КАШИНОЙ.

отправляет ежедневно пароходы:
 Въ РЫБИНСКЪ въ 10 час. утра.

Въ ИСАДЫ въ 10¼ час. утра. | Въ ВАСИЛЬ-СУРСКЪ въ 6ч. веч.
 „ КИНЕШМУ въ 11 час. утра. | „ РЫБИНСКЪ въ 6 час. вечера.
 „ КАЗАНЬ въ 4 час. дня.

ВЪ КИСТОВЪ ПОСТАВЛЕНА ПРИСТАНЬ.

Кромѣ того, БЕЗПРИБОРНОЧНАЯ линия между РЫБИНСКОМЪ, НИЖНИМЪ-НОВОГО-
 РОДОМЪ, КАЗАНЬЮ и ПЕРМЬЮ три раза въ недѣлю по Нювельшанжамъ, Средямъ и
 Цитицамъ.

Срочно въ МОСКВУ ВОДОЮ,

пріемъ на доставку грузовъ. Отправленіе ежедневно. Сроку 6—8 дней.
 Грузы принимаются на Городск. и Сибирск. пристаняхъ. Продажа биле-
 товъ производится и на вокзалъ желѣзн. дорогъ.

Почтово-пассажирское пароходное Общество

САМОЛЕТЪ

отправляет изъ Нижняго-Новгорода ежедневно:

внизъ до АСТРАХАНИ . . . . . въ 2 ч. дня
 вверхъ „ РЫБИНСКА почтовый . . . . . въ 12¼ ч. дня
 „ „ „ экстренный . . . . . въ 7¼ ч. веч.
 до КИНЕШМЫ по уменьшенной таксѣ . . . . . въ 4 ч. дня

ШВЕЙНАЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНАЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНАЯ МАШИНЫ

КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ

Необходимы для домашнего употребле-
ния. Образцы въ конструк-
ции и исполнении. Продаются только въ
магазинахъ Компании Зингеръ.

Образцы машин
прислать по почте.

Отгускъ машинъ съ платежемъ **отъ 1 рубля въ недѣлю.**

Бесплатное обученіе шитью и моднымъ художественнымъ вышивкамъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Ручныя машины съ высокими рукавомъ
во всѣхъ нашихъ магазинахъ **отъ 25 руб.**

**Более 1200 собственныхъ
магазиновъ по всей Россіи!**

Магазинная вышивка
Горьков. Св. дух. и стр. № 6.

1) Б.-Чоктова, д. Покрассъ, перек. 2) Рождеств. ул., д. Гребеншикова. 3) Соромо, Большая
дорога, дома Сухова. 4) Кавалина утолцъ, Краповск. ул., и 11 лин. дома Ильинской.

Братья Измировы

торговля винограднымъ виномъ
и коньякомъ
въ Кизлярѣ (Терской области) и на Нижне-
городской ярмаркѣ.

Собственный домъ Царевка ул.
Фирма существуетъ съ 1792 года.

ПО РОССИИ.

Обзоръ событій послѣдняго времени по сообщеніямъ нашихъ кор-
респондентовъ, по газетамъ и телеграммамъ.

Въ петербургскихъ «сферахъ» чувствуется нѣкоторое таготивъ
влѣво. Центр Государственного Совета рѣшилъ «установить постоянныя
сношенія съ партией мирнаго обновленія». Комиссія центра о мѣстныхъ
самоуправленіи, объ отнѣтѣ смертной казни и о принудительномъ
отчужденіи земли будутъ разрабатывать вопросы значительно шире и
мѣте министерскихъ комиссій. Самъ г. Столыпинъ по поводу разо-
блаченій общественныхъ дѣателей г.г. Шипова, Львова и гр. Гейдена
о причинахъ, помѣшавшихъ имъ войти въ составъ «либеральнаго ми-
нистерства», заявляетъ о своемъ принципиальномъ согласіи съ про-
граммой этихъ дѣателей и о своемъ намѣреніи вернуться въ болѣе
благопріятный моментъ къ плану сформированья общественнаго каби-
нета. Врядъ-ли, конечно, эти *ria desiderata* имѣютъ особенную цѣну
и носятъ сколько-нибудь правдоподобный характеръ: самъ г. Столы-
пинъ постоянно напоминаетъ о томъ, что это будетъ тогда, когда на-
станетъ болѣе благопріятный моментъ, когда страна успокоится.

Мѣры, принимаемыя для успокоенія страны, известны всѣмъ и
каждому: массовые аресты, переселеніе всего мусульманскаго и чувашскаго
въ Илутскую область и далѣе, военная полевая, расстрѣлы, смерт-
ныя приговоры, предостановленіе права на жизнь и смерть гражданъ
всякому мѣстному самоуправ. «Послѣ покушенія на Варпавакаго гене-
ралъ-губернатора солдаты хотѣли залпами обстрѣлять домъ изъ ко-

торого были брошены бомбы, но оказалось, что всѣ почти квартиры
этого дома были заняты офицерами и чиновниками военного вѣдомства,
что предупредило расстрѣлъ», сообщаетъ «Русское Слово». Слѣдова-
тельно, домъ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ могъ быть
разгромленъ и могъ быть сохраненъ вмѣстѣ съ сотнями жваней, по
усмотрѣнію кого? Солдатъ? Ихъ начальнииа? Или полиція? Или жан-
дармерія?

Или слухъ, передаваемый тѣмъ-же «Рус. Сл.», будто обсуждается
проектъ брать отъ общества заложниковъ, которые были-бы наказа-
ваемы въ случаѣ покушенія на властей?

Или случай въ деревнѣ Лазоревой, гдѣ двухъ крестьянъ сперва
избили до потери сознания, а затѣмъ одного пристрѣлили, а другого
зарубили офицерской шашкой.

Или... Но вѣдь для этихъ «или» нужно было-бы послать половину
телеграммъ со всѣхъ концовъ Россійской имперіи, выбиралъ изю всѣхъ тѣ,
въ которыхъ сообщаются случаи дикого произвола, жестокаго самосуда,
наглаго, бесстыднаго посяганія самыхъ элементарныхъ понятій о правѣ
и законности со стороны разныхъ «благотѣтелей порядка», долж-
ствующихъ внести успокоеніе въ страну.

Людей отлучаютъ отъ насаяа насаяемъ; выводятъ самосудъ изъ
тѣмныхъ крестьянскихъ массъ—самосудомъ начальства, произволомъ
стражниковъ, которымъ дается широкія права и полномочія; человѣ-
ческа я права на глазахъ этихъ самыхъ насильниковъ и крамольниковъ
попираются въ самой оскорбительной формѣ.

При массовыхъ карахъ страдаетъ не только имущество, но и
жизнь людей, до этого времени даже ничуть непричастныхъ ни къ
какимъ событіямъ... До этого потому, что *послѣ этого* они, вѣроятно,
станутъ причислены и врядъ-ли повѣрятъ успокоительнымъ гирадамъ
либеральнаго министерства, врядъ-ли станутъ ждать отъ него благодѣ-
тельныхъ реформъ въ благопріятный моментъ и врядъ-ли даже захотѣ-
тъ принять такія реформы изъ кровавыхъ рукъ...

Такъ смотритъ большинство въ Россіи.

А Бюро Крестьянскаго союза тѣмъ временемъ разсылаетъ по
всѣмъ газетамъ короткое но вѣщательное сообщеніе: все Поволжье,
Украина и сѣверный Кавказъ захвачены броженьемъ. Въ другихъ
мѣстахъ настроеніе приподнято.

А Красныя крестья, вѣроятно, тоже зараженнымъ стремленіемъ къ
успокоенію вообще и прекращенію аграрнаго движенія въ частности,
предлагаетъ всѣмъ общественнымъ силамъ и частнымъ благотворителямъ

11-2284-3

Продажа Магази́нь Мебели Нижегородская Зеркаль

на Шоссе. ярмарка.

сплотиться вокруг него и, так как у Красного креста своих запасных денег *совершенно нить* (хстати по официальному сообщению Красному кресту общано возмещение всѣх его расходов за японскую войну), то обществам и частным лицам предоставляется дать свои средства Красному кресту, а онъ потрудится их *распределить*... между нуждающимися мѣстными на питательные пункты, санитарные отряды и т. д., какъ заявляетъ управление Краснаго креста.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ настоящее году охвачено полнымъ неурожаемъ 180 уѣздовъ двадцати девяти губерній причѣмъ для 88 уѣздовъ оно является повторнымъ. Размѣры новой надвигающейся нужды настолько поразжающие (какъ официально заявляетъ гл. упр. Краснаго Креста) что въ настоящее время трудно опредѣлить даже приблизительно тѣ средства, которые необходимы.

И Красный Крестъ предлагаетъ свою помощь, свою *законную, легальную* помощь, въ противуположность той частной, нелегальной помощи, которую по мѣрѣ силъ несутъ частныя лица и мѣсте „благодѣтельная“ учрежденія и которая въ болышинствѣ случаевъ такъ для нихъ грустно кончается. Красный Крестъ будетъ успокаивать оголодавшее население, озлобленное разореніемъ своихъ „лучшихъ людей“, раздѣвшихъ о землѣ, затравленное репрессіями, загнанное нуждой въ тупикъ безысходнаго отчаянія, при которомъ жизнь своя и чужая — копѣйка...

Но, какъ-бы ни пришлося Красному Кресту вспомнить о томъ, что многие и мнѣе изъ теперешнихъ деревенскихъ жителей вернутся съ войны, гдѣ они очень хорошо ознакомились съ дѣятельностью своихъ „кормильцевъ“. А успокоителямъ страны о томъ, что голодь-пожалуй лучше поможетъ революція, чѣмъ самая талантливая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся агитація. Въ политическія движенія всѣ рогатся на почвѣ экономическихъ недовольствъ.

Свое отношеніе къ успокоителямъ крестьяне проявили въ Думѣ, сплотившись въ прогрессивную трудовую группу, игнорирующую опеку; продолжаютъ игнорировать ее и теперь и показываютъ это очень часто. Такъ, почти повсемѣстно крестьяне отказываются выбирать представителей въ землеустроительныя комиссіи, которыя, такимъ образомъ, значатся только на бумагѣ, такъ какъ состоятъ на дѣлѣ изъ такихъ не-премѣнныхъ членовъ, какъ предводитель дворянства въ качествѣ председателя, членъ назначенный главнымъ управленіемъ, уѣздный членъ окружнаго суда, представитель отъ уѣздовъ, податный инспекторъ и земскій или крестьянскій начальникъ; должны ходить три крестьянина, но они отказываются, не доверяя бюрократическимъ комитетамъ и на-

дѣясь на будущую Думу.

Варшава и все царство Польское охвачены пѣбывальнымъ терроромъ. Каждый № газетъ приноситъ извѣстія о десяткахъ убійствъ. Такъ, за одно 3-е августа въ Варшавѣ убито 13 горожаныхъ, 4 околадочныхъ, 7 жандармовъ, 4 солдата, ранено 8 горожаныхъ, 2 околадочныхъ, 6 солдатъ; частныхъ лицъ убито 15 и ранено около 20. Тоже самое въ Лодзи, Радомѣ, Плоцкѣ, Холмѣ — по всему краю, не смотря на непрерывно существующее военное положеніе. „Московскія Вѣдомости“ и „Вѣче“ давно требовали для успокоенія страны военной диктатуры, забывая при этомъ, что самая сильная возмущенія происходятъ до сихъ поръ именно тамъ, гдѣ преобладаетъ военная власть: въ Кронштадтѣ, въ Свеаборгѣ, во Владивостокѣ, на Кавказѣ, въ Польшѣ.

Наши корреспонденты съ Волги сообщаютъ о повсемѣстныхъ митингахъ, массовыхъ и сходкахъ, на которыхъ частыми гостями являются, между прочимъ, солдаты. Многолюдные митинги происходили около Твери, Ярославля, Костромы, Казани. Изъ окрестностей Нижнаго сообщаютъ: На происходившій въ с. Безваномъ недавно митингъ явилось послушать прѣиваго оратора около 200 крестьянъ и рабочихъ: Въ с. Лысковѣ на митингѣ было 90 человекъ, въ томъ числѣ 30 человекъ 30 солдатъ. Въ Юрьевѣ Костромской губ. митинги въ 300 человекъ. обычное явленіе, а на послѣднемъ было даже около 500 человекъ мѣстныхъ жителей и рабочихъ. Кроме того, то тамъ, то здѣсь, каждый праздникъ устраиваются митинги: въ Павловѣ, Богородскѣ, Городцѣ, Шелокшанской и Ново-Лыковской вол., Арамасскомъ и Сергачскомъ уѣзд. и др. мѣстахъ.

На дняхъ, по Нижегородской губерніи были произведены обыски и аресты, между прочими: въ Василь-Сурскѣ, Богородскѣ, въ некоторыхъ деревняхъ около Города и т. д. Въ с. Лысковѣ на послѣднемъ митингѣ переписано 11 человекъ солдатъ и арестованъ волюноопредѣляющийся Хлѣбниковъ, который прервождеизъ въ нижегор. тюрьму; на митингѣ явился приставъ Лавровъ съ мѣстными черносотенцами, но такъ какъ тутъ изъ уничтожить расправу не удалось, то они ушли обратно въ Лысково и тамъ уже четверыхъ избили. Во многихъ пунктахъ нижегор. губер. разставлены стражники. Въ селѣ Пешковѣ, на почвѣ земельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, произошли беспорядки. Вызваны стражники. Въ результатѣ арестовано пять человекъ крестьянъ.

Вячеслава
ГУСЕВА.

Кроватей

Цѣны по фабричному

Прейсъ-Куранту.

Матрацовъ

ЗА РУБЕЖЕМЪ.

— Графъ и графиня Ватте приглашены германскимъ императоромъ въ Вильгельмстее.

— Максимъ Горькій, по службамъ, снова вернулся въ Америку. Въ дорогѣ онъ закончилъ повѣсть „Мать“. „Мать“ рассказываетъ о томъ, какъ ея сынъ сдѣлался революционеромъ.

— Наиболее крупные органы западно-европейской прессы ежедневно помѣщаютъ обширные статьи, посвященные русскимъ событіямъ, причемъ всѣ (кромя тѣхъ, въ которыхъ сотрудничаютъ, какъ въ парижскомъ „Matin“, гг. русские министры), выражаютъ горячее сочувствіе русскому народу. Некоторые газеты занимаются статистикою закрытыхъ прогрессивныхъ органовъ печати, арестовъ, смертныхъ казней, избиеній, административныхъ высылковъ и на основаніи этой статистики приходятъ къ выводу о печальныхъ для страны послѣдствіяхъ разгрома Думы и дѣятельности „либеральнаго министерства“.

Въ Англіи Комитетъ видныхъ общественныхъ дѣятелей составилъ адресъ бывшей Думѣ. Къ нему присоединились Франція и Италия. Вѣнскій и берлинскій газеты выразили желаніе собирать подписи подъ такимъ-же адресомъ.

Предсѣдатель французскаго „Общества друзей русскаго народа“ знаменитый писатель Анатоль Франсъ, дѣлалъ сравненія между русской и французской революціей находить „рѣзкое различіе взглядовъ и понатій: „наши братья въ 1789 году, говоритъ онъ, учли Европу буржуазной революціи, а теперь русскіе пролетаріи даютъ намъ уроки социальнаго обновленія. На берегахъ Невы, Волги и Вислы въ настоящее время рѣшается судьба новой Европы, и будущаго человѣчества. Въ настоящее время, когда эти благородные люди, которыхъ мы не смѣемъ ни удержатъ, ни возбудить, дѣйствуютъ и страдаютъ во имя освобожденія униженныхъ и оскорбленныхъ въ Россіи и во всемъ мѣрѣ, французскій пролетаріатъ обязанъ объявить свою солидарность со своими русскими собратьями. Они должны ясно сознать свою обязанность и точно ее выполнить. Если наше правительство или наши правящіе классы позволятъ себѣ сдѣлать попытку военнаго, дипломатическаго или финансоваго вмешательства въ пользу русской реакціи, французскій пролетаріатъ встанетъ противъ этого со всею своей энергіей. Мы должны объявлять всеми средствами помогать и служить великому русскому освободительному движению, посылать Россіи нашъ братскій и почтительный привѣтъ и провозгласить миру новый лозунгъ: проле-

таріи всѣхъ странъ соединитесь, чтобы подготовить царство социальнаго справедливости и всеобщаго міра“.

Историческія причины массоваго объединенія въ Италіи *).

Ни для кого не ново то обстоятельство, что Италия, переживавшая еще такъ недавно періодъ полного упадка, вдругъ такъ неожиданно сдѣлала скачекъ впередъ и заняла свое мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ.

Но, какъ всякое черезъ быстро наступательное движенье, такъ и этотъ порывъ по ходу прорывъ бесслѣдно для такого сложнаго организма, каковыя является обновленная нація. И въ результатѣ, конечно, получились нѣкоторые отрицательныя явленія, которыя я собираюсь разобрать въ настоящей статьѣ.

Но прежде этого мнѣ необходимо уклониться вѣсело отъ предмета статьи и воскресить въ памяти читателя Волгара тѣ событія, которыя ознаменовали собою объединеніе Италіи и вызвали въ то-же время хроническое неудовольствіе націи,—неудовольствіе, которому суждено стѣснять еще многіе годы.

Какъ ни поучительны для общества уроки исторіи, все же они сами по себѣ, безъ участія другихъ болѣе могущественныхъ факторовъ, до настоящаго дня не были въ состояніи побудить когда либо тотъ сложный государственный механизмъ, который принято называть правительствомъ, къ вступленію на путь либеральныхъ реформъ, которыя являлись бы въ уменьшенію его престижа или власти.

Тѣмъ не менѣе исторія помнитъ примѣры великодушія, или вѣрнѣе предусмотрительности отдѣльныхъ влѣстителей, дававшихъ „motu proprio“, т. е. по собственному почину конституцію своей націи. Вспомнимъ хотя-бы Христиана въ Даніи, Оскара въ Швеціи, Николау въ Черногоріи и Карла-Альберта въ Италіи.

Пройдѣтъ вѣкъ царствованія Виктора-Эмануила II-го, Карла-Альберта, сардинскій король призванный Пьемонтцамъ, соединитъ уже подъ своей короной двѣ могущественныхъ провинціи и задумываетъ послѣдствіямъ осуществить объединеніе всей Италіи, терзаемой на части

* Этой статьѣй начинается рядъ очерковъ извѣстнаго итальянскаго писателя Антонио Коррадини о положеніи крестьянскихъ и рабочихъ массъ въ Италіи.

Сообщившійся статья о положеніи пролетаріата въ другихъ странахъ западной Европы обнаны редакціи французскимъ, нѣмецкимъ англійскимъ и греческимъ корреспондентами.

австрийцами, французами, англичанами и испанцами.

Но, как мы знаем, блестящие успехи его оружия в начале, благодаря первичности второстепенных союзных властителей северной Италии, омрачились тяжелым поражением, которое нанесено ему австрийской войска, — поражением, заставившим его подписать условия мира тяжелая для Пьемонта, но которые не должны были обрушиться своей тяжестью на его союзников.

И вот мы видим Карла-Альберта отрешившимся от короны в пользу Виктора-Эммануэла II-го и обрешившим себя на добровольное изгнание.

Въ это же самое приблизительно время миланское герцогство задумывает борьбу съ австрийцами, подготовляя къ ней въ течение несколькихъ лѣтъ съ рѣдкими примами самоотверженія и лишения; такъ, напримеръ, никто изъ жителей не курилъ (а вѣдомо, что итальянецъ курить и въ валии, и въ постели, и чуть ли не въ церкви), чтобы нанести даже и съ этой стороны значительный ущербъ введенной австрийской монополии.

И всѣ эти и вѣмъ подобная жертвы убивались, наконецъ, успехомъ: въ памяти каждаго неувладима знаменитое «пять дней», въ продолженіи которыхъ австрийская войска съ позоромъ были изгнаны изъ Милана.

Однородная борьба, но съ различными исходами, Происходятъ поспу до северъ Италии: венеціанская республика, герцогство молемское, брешіанское княжество — суть кровавая страница исторіи, предшествовавшая великому дѣлу освобожденія и объединенія Италии.

Мы знаемъ, что на долю Виктора-Эммануэла II выпало счастье упредить свое положеніе въ северной Италии. Но сильный въ своихъ патриотическихъ побужденіяхъ, на этомъ онъ не останавливается и переноситъ свою столицу во Флоренцію, чтобы отсюда рѣшительнѣе вліять на южную провинціи.

Конечно, его главнымъ стремленіемъ былъ Римъ, безъ котораго Италия никогда не смогла бы быть обезпеченной въ своей независимости. Но тутъ король долго пользовался съ одной стороны затруднительными положеніемъ Наполеона III во Франціи, а въ самой Италии многочисленными тайными союзами, (на рѣшенія которыхъ тайно оказывалъ свое вліяніе), и при содѣйствіи франкъ-масоновъ, (къ нимъ принадлежалъ онъ самъ), выдвигаетъ народнаго героя, Джузеппе Гарibaldi. Тайно покровительствуя ему Викторъ-Эммануэль официально, «для главъ Европы» издаетъ указы о признаніи Гарibaldi измѣнникомъ и врагомъ отечества и, даже, приказанія объ его арестѣ, которыя, конечно, опалаются и тѣмъ даютъ возможность Гарibaldi проникнуть со своими волонтерами въ Сицилію, поднять тамъ смуту и вытѣснить войско неаполитанскаго короля.

Всѣмъ за тѣмъ мы видимъ этого народнаго героя торжественно вступающимъ въ Неаполь, поворно покинутый своимъ владѣтельнымъ королемъ, отправившимся искать покровительства у французамъ.

Отъ Неаполя недалеко было и до самаго Рима. Но тутъ на помощь герою срывается изъ северной Италии самъ Викторъ-Эммануэль, рѣшившій, что наступилъ уже удобный моментъ открыто выступить со своими притязаніями.

Блестяще начатая кампанія завершается вступленіемъ въ Римъ королевскихъ войскъ. А на предложеніе овиститъ Римъ, держава получила гордый отвѣтъ сильнаго короля: «A Roma ci siamo e qui resteremo» *).

Итакъ, а хотѣлъ показать, что Пьемонтъ, Миланъ, Венеція и Мантуя, Брешия и Модена, Флоренція и Неаполь съ Сициліей, словомъ всѣ раздѣляемая части Италии имѣютъ право гордиться своей исторіей и тѣмъ кровавыми или матеріально-тяжелыми участіемъ, — (какъ напр. Флоренція, разорившаяся послѣ добровольной уступки, сдѣланной Риму: безъ столицей Италии), — гордиться, повторю, тѣмъ участіемъ, которое онъ принималъ въ освободительномъ движеніи.

На этомъ заканчивается въ главныхъ чертахъ пѣвица сторона дѣла. Внутреннее же благоустройство, котораго собственно и не существовало, отъ предшествовавшихъ междоусобныхъ войнъ и хищнической политики иностраннаго господства и хозяйничанья, — заставляло думать, что Италия, какъ одно цѣлое, не сможетъ долго просуществовать и снова станетъ ареной иностранныхъ посягательствъ.

Здѣсь мы забыли принять въ расчетъ моральное обновленіе нации, почувствовавшей себя, наконецъ, объединенной и готовой на новыя жертвы. Но государственная касса была пуста и поневолѣ пришлось обложить и безъ того разорившійся народъ новыми обременительными налогами. Но никто и не думалъ роптать на этотъ провозводъ новой королевской власти, въ надеждѣ, естественно, что острый кризисъ быстро пройдетъ и тогда наступитъ такъ давно жданная, блаженная времена обого для всѣхъ благополучія.

Но стоить только бросить взглядъ назадъ, чтобы понять, почему за послѣдніе тридцать пять лѣтъ Италии, если и удалось упредить чю, сударственные финалы и поставить ихъ выше даже французскихъ-все же невозможно было оправдать надеждъ народа на близкія лучшія времена.

Итальянское королевство, начиная еще съ перваго періода среднихъ вѣковъ, представляло собою многочисленныя мелкія княжества и союзныя владѣнія. Съ другой стороны, папство расплодило сотни князей церкви, которымъ, вмѣстѣ съ титуломъ кардинала, точно вассаламъ, отдавало обширные надѣлы. Не буду насыть тѣхъ ставленниковъ, которыхъ тоже, конечно, не забывали охлѣбать землемо.

И вотъ въ результатъ получилось то, что итальянскій крестьянинъ, вынеса на своихъ плечахъ всѣ тяжести безочинныхъ походовъ и всѣ невзгоды отъ постоянного разоренія и опустошенія своего хозяйства, остался безъ одной пяди земли. А такъ какъ владѣтельные князья, графы, герцоги, бароны и маркизы, которымъ въ Италии, какъ и на Кавказѣ, хоть прудъ пруди, не были вовсе склонны отдавать свои земли въ аренду крестьянамъ, то и получило то печальное явленіе, что крестьянъ превратили въ батраковъ, а за занимаема ими жалкія зачуги, точно съ чиншевскихъ, начали усиленно выколачивать чрезвычайные налоги.

Однако, упоминая о далеко не альтруистическихъ наклонностяхъ итальянской знати и владѣтельныхъ тузовъ, считаю своимъ долгомъ

*) «Я захожу въ Римъ и здѣсь остаюсь».

оговориться и назвать римского князя Doria Pamfili, который за тридцать слишком лет до появления романа „Воскресение“ добровольно родадать всё свои обширные княжеския имения въ безвозмездное пользование своимъ крестьянамъ.

Когда итальянское правительство опомнилось, то было уже поздно принимать что либо для рациональнаго улучшения быта крестьянства и той массы проголодавших, которая образовалась въ городскихъ центрахъ изъ числа общинавшихъ до крайности крестьянъ.

Потребовались реформы, а тутъ въ томъ же благоустроение портовыхъ городовъ, проведение желѣзныхъ дорогъ и другія государственныя предпріятыя не допускали уменьшения налоговъ безъ открытія новыхъ статей доходовъ.

И вотъ на все население безъ исключенія, вводится податный налогъ отъ котораго и по сію пору „скверно приходится“ въ особенности имѣющимъ недвижимую собственность. Этимъ шагомъ правительство, натурально, хотѣло хоть отчасти исправить свою ошибку въ томъ, что оставило въ рукахъ немногихъ лицъ чуть ли не всё земли королевства. Налогъ этотъ такъ великъ, что равняется почти 50% валоваго дохода съ земли и обрекаетъ итальянскую знать, желающую поддерживать мишуру своего былаго вѣдчія, на довольствованіе самымъ скромнымъ, чтобы не сказать прямо нищенскимъ, столомъ въ стѣнахъ своихъ дворцовъ и на полюеи заштопаныхъ чулокъ. Но за то каждый изъ нихъ сохраняетъ свою козуску для послѣдовѣнныхъ прогулокъ.

Всѣмъ за податнымъ налогомъ появляется на сцену обложение городскихъ центровъ пошлюною на сыбѣные припасы. Цель этой мѣры—равномерно обременить ту часть крестьянства, которая богата произведеніями быта, а также обложить экономіи зажиточныхъ лицъ пошлюной на предметы изъ производства. Съ другой же стороны этой мѣрой были изысканы новые способы заставить и городское население раздѣлить тяжесть налоговъ.

Только вслѣдъ за этими мѣрами явилась возможность сложить съ крестьянства иѣоторую часть налоговъ.

Но всё эти мѣры, наряду съ послѣдовательно учреждаемой монополіей на табакъ, сыпучіи, соль, спиртъ, керосинъ и другіе предметы первой необходимости, не могли, бесспорно, пріятны по вкусу населенію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Италия, занявъ мѣсто въ числѣ шести первоклассныхъ европейскихъ державъ, не могла естественно уклониться отъ сопряженнаго съ этимъ положеніемъ обязательства тратить непроизводительно десятки милліоновъ на свое вооруженіе. Значитъ, и тутъ было не до нуждъ немущихъ классовъ, а скорѣе приходилось считаться и съ этой колоссальной статьей государственныхъ расходовъ и, для ея покритія, отказываться отъ другихъ плодотворныхъ расходовъ.

Тяжелое положеніе крестьянъ не могло не отразиться дурно на всѣхъ корпораціяхъ рабочихъ въ томъ смыслѣ, что масса безработныхъ и безработныхъ, нахлынувшая въ города, обезцѣнила ручное производство и, вообще, всѣякій поденный трудъ до крайности.

А если мы, при этомъ, примемъ во вниманіе дороговизну жизненныхъ продуктовъ и предметовъ первой необходимости, то и совсѣмъ станеть яснымъ, что итальянскій народъ переживаетъ очень острый

кризисъ финансоваго неблагополучія.

Обозначенное этимъ не на шутку правительство поспѣшило прійти на помощь населенію, энергично производя въ настояцій моментъ конверсію гарантованныхъ правительствомъ цѣнностей.

Но какое вліяніе можетъ оказать конверсія на благосостояніе немущихъ классовъ, спроситъ непосвященный читатель? Постараемся это совсѣмъ выяснитъ на прирѣбѣ.

Положимъ, что у меня явится капиталъ, съ процентовъ на который живу я одинъ или съ семьей. Но вотъ въ одинъ прекрасный день мнѣ предлагаютъ обмѣнить мои процентныя бумаги на другія такія же, но присоединяя одинъ процентомъ менше, и прибавляють что обмѣнъ этотъ принудительнъ.

Понятно, что мнѣ прійдетъ одно изъ двухъ: или сократить мои потребности на сумму теряемаго мною дохода, или же употребитъ мой капиталъ на устройство какого-либо коммерческаго предпріятыя.

Въ первомъ случаѣ, а—лицо, существующее на проценты съ капитала, т. е. общественный трутень, рѣшувій въ нѣвыстные сроки купоны, долженъ лишиться части своего комфорта. И этотъ исходъ, конечно, не огорчитъ, а скорѣе обрадуетъ, такъ что конверсія въ этомъ случаѣ является желательной для массы, умалая, удешевляя значеніе капитала.

Во второмъ случаѣ, а изъ общественнаго трутня превращающъ въ активную единицу, и вкладывая свой обезцѣненный капиталъ въ предпріятыя, даю возможность нѣсколькимъ безработнымъ пристроиться. А мы знаемъ, что чѣмъ болѣе спроса на работя руки, на личный трудъ, тѣмъ болѣе увеличивается заработная плата. И такъ, и во второмъ случаѣ конверсія является желательной для массы, такъ какъ послѣ нея поднимается въ цѣнѣ личный трудъ.

О томъ, какъ отражается на рабочемъ движеніи настояцій кризисъ, буду говорить въ послѣдующихъ моихъ письмахъ.

Римъ.

Anatolio Corradini.

Военные и граждане.

II

(Продолженіе).

Кольбелыми нашего офицѣрства служатъ кадетскія корпуса, военные и инженерскія училища. Ихъ безпристрастное описаніе и даетъ г. Пильскій въ „Мирѣ Божьемъ“. Оно относится къ 80-мъ и 90-мъ годамъ. Офицеры нашего времени, являющіеся болѣе или менше самостоятельными единицами, въ большинствѣ случаевъ—питомцы именно этихъ заведеній и именно этого періода: въ 20—25 лѣтъ они достигли уже сравнительно высокихъ чиновъ; во всякомъ случаѣ, они даютъ тонъ младшему офицѣрству, которое идетъ по ихъ стопамъ съ школьной скамьи.

Г. Пильскій даетъ печальную картину. Многое въ ней совершенно ново для читающей „италгоской“ публики, слышавъ мало приглядывавшей къ особенностямъ военного быта и отвлеченной другими вопросами. Въ болѣе тѣсное соприсословіе съ военной средой, какъ и

уже говорил, эта публика вошла только в последние время. И в последние время особенно обострился интерес к военному сословию, которому выпало на долю играть столь важную роль в наших освободительных движениях—роль торжествующего механизма.

...Привозила детей в корпус из семьи или из подготовительных саратовских школ,—между прочим, из знаменитой «Раумовской», славившейся такими жестокостями, что слды их иногда оставались на всю жизнь. Из разумногого прюта въ корпус приходили въ такой мѣрѣ загаженныя дѣти,—разраженныя, озлобленныя и забытыя, что дѣламъ изъ семей воспитатели принуждены были давать отеческій совѣтъ сторонамъ, какъ можно, дальше отъ «разумовцевъ»^{*)}.

Именно эти горемычныя дѣти пополняли въспѣдствіи извѣстную «пошехонскую академию», т. е. вольскую гимназію, въ которую «ссылались всѣякіе подопки кадетскихъ корпусовъ; тамъ ихъ могли сѣчь уже не варьёда, (какъ въ кадетскихъ корпусахъ)», а, когда и за «что угодно. Въспѣдствіи они попадали не въ военныя, а въ юнкерскія училища».

На Волгѣ до сихъ поръ живётъ легенда о знаменитой Вольской гимназій, питомцы которой наводили трепетъ на мирный городъ Вольскъ. Невѣроятныя вещи рассказывались, да и теперь рассказываются, о жестокостяхъ, при помощи которыхъ педагоги этой гимназій старались видѣть «начала добрыя» въ своихъ питомцевъ, и о томъ, какъ отъбывали изъ эти несчастные парни кадетскихъ корпусовъ. Эта гимназія была настоящей мерзостью военно-педагогическаго заупенія. Въ ней калѣчились окончательно дѣти, которыя при иномъ способѣ воспитанія, при иномъ отношеніи воспитателей могли бы, можетъ быть, исправиться отъ своихъ недостатковъ и сдѣлаться порядочными людьми.

Конечно, Вольская гимназія даже и по тому времени являлась чѣмъ-то чудовищнымъ: въ ней точно были возведены въ квадратъ и кубъ всѣ несовершенства обыкновенныхъ кадетскихъ корпусовъ. Но и корпусы эти оставляли желать всего лучшаго. И они не столько воспитывали, сколько портили ребенка, искажая его человѣческую природу. Въ этомъ былъ своего рода система, потому что существовало желаніе сдѣлать изъ этихъ ребятъ не просто людей, а людей военныхъ, лучшимъ свойствомъ которыхъ считалось маловѣстіе. И корпусы достигали этой цѣли невозможными способами, между прочимъ потворствуя различнымъ отрицательнымъ явленіямъ.

§ 64 «Инструкціи по воспитательной части» узаконивалъ въ корпусахъ розгу, а эта розга убивала въ дѣтахъ чувство челоѣческаго достоинства и заставляла ихъ уважать грубую силу. Мнѣ кажется, что розга добраго стараго времени, когда она являлась патріархальною и доставалась въ удѣлъ всѣмъ, менѣе развращала дѣтскую природу, чѣмъ въ наше время, когда она общественнымъ мнѣніемъ была безспорно осуждена, какъ нѣчто позорное, и, тѣмъ не менѣе, оставалась еще въ силѣ, вися надъ головками дѣтей на крючкѣ педагогическаго лицемерія. Какъ общее правило она причиняла только боль, какъ исключеніе

она оподляла душу, опозоривала тѣхъ, къ кому примѣнялась.

Презрѣніе предъ грубой силой являло за собой самыя отрицательныя явленія: «кадеты презирали слабыхъ и избивали ихъ до полу-смерти». Они же работывали напередъ второгодниками» (т. е. передъ юнкерскими митрофанюшками), «которые облагали давно всѣхъ», «отпускины». Они же, «боготорили силачей». «Силачи нумеровались». По отношенію къ остальнымъ они держались на недоступной высотѣ, «вымогали конфеты, деньги, перья... занимались за подкупленную суму для защиты того или иного товарища; они же доносили начальству, если имъ требованія и желанія не удовлетворялись, намѣшала при этомъ гадости прямо невѣроятныя, и начальство ихъ слушало, имъ вѣряло, ихъ поощрало, и каждый классъ былъ терроризированъ «какимъ нибудь силачемъ».

Такимъ образомъ, уже въ корпусѣ высоко стоялъ культъ кулака. Начальство, однако, поощрало не только служебное устою культу. Оно воспитывало также и типъ карьериста—«подлива» въ выраженію товарищей. Эти подливы стулѣ воспитателю; на ямнини ему родителю привозили изъ послѣдняго дѣвные подарки; упрямые и умѣнше воспитатели, учителя ставили подливамъ высшія отбѣтки, а товарищи ждали случая избить этихъ счастливицевъ, всегда, конечно, «находячи такой и избивали». и снова шлі донзая, досрда, доноси, и наказанія. Выработывалась—и нескрывемо—особая система, которую такъ и формулировали:—«жулькь, да не воръ;—укралъ, да не попался»...

Начальству «были нужны не знанія, а громкія самоуверенныя отбѣты, не уваженіе, а хорошія поклоны, умѣнье ловко стая во фронтъ»...

Все это было до конца восьмидесятыхъ годовъ. Съ этого времени начались реформы: «возрастѣ» замѣнены были ротами; и прежне воспитатели изъ военпоучительскихъ семинарій—офицерами¹⁾. Первые никакого отношенія и влеченія къ педагогикѣ не имѣли, но воображали себя наставниками. Вторые—же устремили все свое вниманіе на «муштру» и воспитатель изъ себя не корчили. Въ результатѣ и при тѣхъ, и при другихъ дѣло воспитанія шло изъ рукъ вошь плохо.

На бумагахъ курсъ кадетскихъ корпусовъ не уступалъ курсу реальныхъ училищъ. Но онъ проходилъ такъ перашино, что результаты были получены изумительные. Кадеты не выходили изъ корпусовъ даже просто грамотными. Приходилось открывать для нихъ особыя заавлія по русскому языку (1) въ военныхъ училищахъ, куда они переходили изъ корпусовъ. Русская грамотина была ихъ зѣбншихъ врагомъ. «Рапорты и отношенія» въ войсковыхъ частяхъ, гдѣ они служили въспѣдствіи уже офицерами были «настолько несуровно-бегаромны, что лишь съ трудомъ можно было провнуктъ въ скратыи ихъ «смыслъ». Не научившись грамотѣ во время своего кадетства, эти офицеры при первой возможности сваливали «письменныя» свои обязанности на фельдфебелей, писарей, въ лучшемъ случаѣ на вольноопредѣляющихся изъ образованныхъ. Дослужившись до званія баталіоннаго командира, эти офицеры уже безъ заарѣйи совести и не боясь критики начинали сочинять лично баталіонные приказы. «Это самыя юмористическія прозаведенія, которыя когда либо выходили изъ

*) Да и то съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей.

подъ пера человеческого—говорит г. Пильский. И добавляет: „да что батальонные командиры!.. И напоминает Стесселевские и иные приказы съ театра войны.

Преподавание въ кадетских корпусахъ было послано даже всякой критики. Воспитатели были сами негъжественны, а между тѣмъ на ихъ обязанность возлагалось помогать плечу въ приготовленіи уроковъ. „Неуспѣшность класса ставилась на счетъ имъ, на счетъ недостаточнаго служебнаго времени (!)“—и преподавателямъ оставалось ставить дурной баллъ ученику за незнаніе, и воспитателю за нерадѣніе по службѣ. Чтобы спасти воспитателя приходилось прибавлять баллъ воспитаннику. И тотъ, и другой были и оставались круглыми негъждами.

Чтеніе книгъ было до крайности стѣснено офицерами.

Система образованія и воспитанія была ниже всякой критики. Достаточно, для поясненія, указать хотя-бы на антагонизмъ между воспитателями-офицерами и преподавателями-штатскими. Офицеры-воспитатели дискредитировали учителей и ихъ науку, тѣ старались вынуть презрѣніе къ половамъ и военному строю.

Въ результатъ изъ училища выходили офицеры, знавшіе только буквы уставовъ, но непріученные къ самостоятельности и личнымъ развитіямъ. Даже въ чисто военномъ дѣлѣ они оказывались настолько неподготовленными, къ дѣлу помощи утеръ-офицеровъ не могли правильно командовать и бѣжать по командѣ сама простія перестроенія.

Впрочемъ, то что хотѣли достигнуть изъ юнкеровъ—живую, нерассуждающую машину—то и достигали. Ни на какую личную инициативу они не были способны, ни о чѣмъ, кромѣ самыхъ узко военныхъ интересовъ, они не думали и все, что было внѣ ихъ поля, находилось какъ бы на другой планетѣ. Зато съ нужного голоса и отъ покровителя къ покровителю выходили изъ военныхъ училищъ усвоили себѣ какую-то ни на чѣмъ не основанную „фанатерию“ и пропитывались къснѣмъ патриотизмомъ. Къ возможной войнѣ они относились болѣе, чѣмъ легкомысленно и были увѣрены въ своихъ преимуществъ надъ всякими супостатами. „Мы будемъ побѣдителями потому что „мы“—русскіе военные. Враги для этихъ самоуверенныхъ людей, неспособныхъ къ самоанализу, являлись макаками, кобальцами, австрийцами. Они относились съ презрѣніемъ не только къ жукамъ: различаясь по родамъ оружія, наши военные чувствовали вражду и презрѣніе и другъ къ другу: въ глазахъ гвардейцевъ армія была чѣмъ-то низкимъ. Кавалеристы звали пѣхотинцевъ—„собаками на заборѣ“, дѣтской“ Къ саперамъ „обовникамъ“, отношеніе бывало также пренебрежительное, точно всѣ офицеры не были офицерами просто русскаго войска, а только офицерами каждой отдѣльной части, смысла съотрившими на всѣхъ „не своихъ“. Последній взглядъ воспитался еще въ училищѣ, гдѣ была постоянная рознь не только между „курсами“, но и между ротами.

И всестки питомцы военныхъ училищъ въ полковой средѣ являлись наиболее свѣдущими, наиболее развитыми. Всестки они вносили то что хотъ по вѣщности культурное въ остальную офицерскую массу, состоявшую изъ людей, совершенно погрязшихъ въ тинѣ военного быта, все позабывшихъ, что знали, и изъ питомцевъ юнкерскихъ училищъ.

А что это за люди?—объ этомъ говоритъ г. Пильский. И говоритъ, болѣя душой за этихъ несчастныхъ, въ которыхъ съ юныхъ лѣтъ было задушено все лучшее, все гуманное...

И мудроно-ни, что эти люди—только воины, а не просто граждане своей родины, стали на защиту того, что такъ страстно старались опровергнуть штатские... И что въ этой послѣдней ужасной братоубийственной войнѣ моральная побѣда не оказалась и не могла оказаться на сторонѣ штыка или пулемета...
Гражданинъ.

Волжскія дѣла и дѣлишки.

Только что закончившаяся казанская забастовка крѣпчиковъ водитъ на печальныя мысли. Русскому человеку, обтерпѣвшемуся въ ужасахъ современности и привыкшему къ новому взгляду на человеческую жизнь, какъ на конейку, окончаніе этой забастовки должно казаться благополучнымъ, но тѣмъ не менѣе есть о чѣмъ и печалиться.

Благополучно то, что дѣло обошлось безъ особеннаго кровопролитія, которое очень легко могло случиться при общемъ возбужденіи. Власть прибѣга къ казачьей силѣ. Была минута, когда можно было ожидать ужасовъ. Но все кончилось сравнительно мирно. Конечно, оказалось нѣсколько побитыхъ, одному казаку расшибли камень голову, произошла драка между крѣпичниками и татарами, которыхъ наняли для работъ на пристаняхъ. Досталось и матросамъ одного пародства. Но современній русскій читатель, конечно, согласенъ, что по нашимъ жестокимъ временамъ это пустяки. Не важно и то, что человекъ 60 посаженъ въ тюрьму: то же еще мы видимъ!...

Приходится отнѣяться, что большое несчастье было предотвращено тѣмъ, что казаки оказались гуманными. Судя по рассказамъ, никакихъ зверствъ не было. И то слава Богу.

Печальнѣе всего то, что по одна сотня людей лишилась заработка: крѣпчиковъ административно выслали на родину. И еще печальнѣе, что такихъ послѣдствій можно было-бы избѣжать.

Крѣпичники забастовали, требуя прибавки платы и устраненія подрядчиковъ. Эти требованія были предъявлены по всей Волгѣ и, конечно, они имѣютъ подѣ собой почву. Если бы крѣпичники въ Казани остались-бы только на этой почвѣ, то, вѣроятно, ихъ забастовка принесла бы какіе нибудь результаты, но въ своихъ требованіяхъ они присоединили насиліе и проиграли: насиліе только тогда ведетъ къ удачѣ, когда опирается на действительную силу—у крѣпчиковъ этой силы не оказалось,—и потому они проиграли.

Помѣнять успѣхъ крѣпичческаго недовольства было возможно. Конечно, не сразу. Къ сожалѣнію до этого, кажется, еще нигдѣ не додумались. Крѣпичники требуютъ прибавки. Чѣмъ выше оплачивается трудъ рабочаго, тѣмъ лучше. Ни отъ какого гуманнѣйшаго человѣка противъ этого спорить не станеть. Но слѣдуетъ, однако, признать, что крѣпическій трудъ сравнительно оплачивается horribly. Поэтому частія забастовки крѣпчиковъ нужно объяснить не столько низкой оплатой труда, сколько его невозможными условіями. Къ сожалѣнію, крѣпички не

научились еще формулировать такие требования, а те, которые пользуются их трудом, не собрались еще улучшить эти по истини каторжные условия.

Забастовка иметь целью выразить, что работнику живется плохо (речь идет об экономическом забастовках) и что он желает для себя лучшей доли. Ему трудно — и он требует увеличения платы. Его эксплуатирует подрядчик — и он требует: „дойди его!“... Но вопрос так просто разрешить не может. Такие требования уже удовлетворялись, за два—три года оплата кривоножечного труда увеличилась, аспешит подрядчиком умирять. Но забастовки тем не менее то и дело вспыхивают, нанося существенный вред тому самому судоходству, которое—худо-ли, хорошо-ли—кормит тысячи людей.

В чем же дело?

Прежде всего, вовсе не в одном только увеличении заработка. Как ни оплачивай каторжную работу, она все же останется каторжной, и человек, обреченный на нее, все же будет роптать.

Нужно, давно нужно принять меры к тому, чтобы кривоножечная работа перестала быть каторжной. Тогда современная оплата ее перестанет казаться труженнику слишком малой и он с большим терпением будет ждать общего увеличения оплаты труда.

Прежде всего надо прекратить наглое надругательство над человеческой силой. Можно и должно улаживать товары в небольшие и легкие мѣста. Вопрос этот поднят давно, и пора существовать гуманнейшим требованиям лучших Волгарей. Уменьшение веса и объема мѣста будет выгодно прежде всего самому судоходству: это понимает каждый волгарь. Когда это осуществится, когда огромно-вероятная злость фабрикантов и других отправителей, возмущающихся по своей улажке, мѣст будет обуздано, тогда и судоходство сэкономит много времени и мѣста, а кривоножцы с несравненно меньшей затратой сил и здоровья, с громадной экономией во времени и энергии будут зарабатывать больше, чем они зарабатывают теперь пустошю, хотя бы плата и не повысилась.

Затѣм большое мѣсто Волга—ея пристанские участки. Они принадлежат городам, приносят им значительный доход, но не знают заботы отцов города, хотя законы (которые в России только „святы“ но не исполняются!) не только предоставляют городам право собственности на береговые участки, но и возлагают на них, обязанность содержать их в исправности. Волжские туристы имеют возможность узнать, какова эта исправность. Достаточно сойти с пристани в дождливое время! Но туристы не догадываются, вероятно, что плохое содержание пристанских участков дѣлает труд кривоножцев еще более каторжным.

Если-бы эти участки были собственностью волжского судоходства, то давно-бы судоходные фирмы въ своих собственных интересах привели их в должный порядок. Но при современном положении вещей они лишены возможности это сделать: у них не может быть уверенности въ томъ, что въ пользование той или другой фирмы останется заарендованный участок, а не перейдет въ новую, давшей городу больше. Поэтому съѣзды къ пристанямъ находятся въ перебитомъ видѣ; судовладельцы не рискуютъ проложить по нимъ рельсы, и

строить разные приспособления, вымостить, какъ слѣдуетъ. Въ нихъ мѣстахъ даже желанія подобаго рода встрѣчаютъ противодействие со стороны отцовъ города, не позволяющихъ „портить“ свою собственность. Такъ было, напримеръ, на Сибирскихъ пристаняхъ, гдѣ предполагалось проложить рельсы и возить товары въ вагонеткахъ... Отсутствие улучшений и приспособлений, обычныхъ въ культурныхъ странахъ, страшно отягощаетъ кривоножечный трудъ—и стремится хоть чѣмъ нибудь вознаградить себя или прибавить къ своей панаше: къ требованью увеличить плату. Увы! одно увеличение платы еще не улучшить вообще ихъ положеніе.

Очень странно, что на Волгѣ существуютъ подрядчики. Трудно понять, для чего они нужны? Развѣ для того, чтобъ лишній разъ засвидѣтельствовать о русскомъ неумѣніи устроить дѣло по лучшему, ходить безъ помочей и безъ указанія дядки. Этотъ упрекъ одинаково относится и къ нанимаемымъ, и къ нанимателямъ. Дѣйствительно, удивительно, что взрослые люди, считающие себя опытными дѣлателями, не умѣютъ ни нанять, ни наняться безъ посредничества третьяго лица, которое, конечно, и беретъ премію за такое отсутствіе самостоятельности.

Есть подрядчики дѣльные, есть и бездѣльные. Есть добросовѣстные и недобросовѣстные. Не будемъ разбирать ихъ достоинствъ и пороковъ. Возве не въ нихъ дѣло!

Американцы говорятъ: help your self. (Помогай самъ себѣ!)—гдѣ ужъ намъ до этого! А что слазаетъ начальство, если я вздумалъ „помогать себѣ“, т. е. въ сущности просто сдѣлаю вполне самостоятельнымъ и самодеятельнымъ? А какъ же я начну дѣйствовать самъ, когда я привыкъ къ чужой улажкѣ, нерѣдко прерывающейся въ палку—было бышюу?!... Но даже и мы, русские, умѣемъ соединяться въ артели. Все это у насъ дѣлается кое-какъ, все шито на живую нитку,—но тѣмъ не менѣе артельное устройство для насъ не новость и партія кривоножцевъ, въ сущности, тѣже артели. Почему-же эти артели для того, чтобъ стать на работу—нерѣдко изъ года въ годъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ—нуждаются въ подрядчикѣ?

Правда, подрядчикъ по 1-хъ выдѣлѣ въ трудное время задатки подъ будущую работу, а по 2-хъ является—для—судоходныхъ фирмъ какъ бы отвѣтственнымъ лицомъ—по развѣ прочно сплоченной и надежной артели тѣ-же фирмы не могли-бы открыть кредитъ? Развѣ они не могли-бы завести своихъ собственныхъ служащихъ—агентовъ для веденія дѣла съ работниками? Развѣ эти артели не могли-бы избрать изъ своей среды особо умозломоченныхъ лицъ—своихъ представителей, которые защищали-бы интересы артели и руководили работой ея?.. Все это можно сдѣлать и для этого нужно только желаніе—желаніе выйти изъ состоянія русской косты.

Забастовки кривоножцевъ, даже неудачныя, наводятъ на мысль о возможности упорядочить и улучшить кривоножечное дѣло.

Авось, и казанская газета подвинетъ его хоть на шагъ впередъ.

Авось!.. Какое чисто русское слово! Сколько въ этомъ понятіи оскорбительнаго для сознанія истинныхъ дѣлателей!

Петръ Оленинъ.

СКЛАДЪ МАШИНЪ И ТЕХНИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Д. ЛАМОНОВА

въ Н.-НОВОГОРОДѢ, Нижній базаръ, домъ Добровыхъ и Набоголицъ.

→ ПРОДАЖА ←

трубы мѣдныхъ, чугуныхъ, желѣзныхъ, дымогарныхъ, газовыхъ и свинцовыхъ всѣхъ диаметровъ, соединительныхъ частей, крановъ, вентилей, арматуры для котловъ, рукавовъ и пр. техническихъ матеріаловъ для паро-нефть и водопроводовъ.

Вѣсовъ Фербэнскъ, десятичныхъ и столовыхъ.

Выписка машинъ всякаго рода

При заказахъ прошу обращаться съ подробнымъ описаніемъ требуемыхъ предметовъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДРАГУНЫ*).

Посвящается старому товарищу
Петру Полякову.

СУТКИ КАВАЛЕРІЙСКАГО ЮНКЕРА

I.

.....Вставать страшно не хочется.....

Всего четыре часа утра, а черномазый Милашинъ, солдатикъ „изъ слабыхъ“ 3-го эскадрона, назначенный вѣстовымъ къ „юнкеру“ неумолимо будить расоспававшегося юношу.

— Сударь-баринъ, на водопой!... Сударь-баринъ, вьываетъ онъ

— Отстань ко всѣмъ чертамъ! Сердцо ворчитъ юнкеръ, не открывъ глазъ и поворачиваясь къ стѣнѣ лицомъ.

— Ужь давно трубятъ, не унимается Милашинъ.

Редакція находитъ своевременнымъ помѣщеніе этого очерка, иллюстрирующаго военный бытъ и служающаго какъ-бы дополненіемъ къ статьѣ „Военное и гражданское помѣщеніе“ выше.

Видя, что словомъ не можешь, онъ рѣшается приступить къ дѣйствіямъ: осторожно взявъ за ковшекъ одяло и потащилъ его къ себѣ. Юнкеръ невольно ухватился за другой конецъ его и сталъ натягивать его на голову.

— Сударь-баринъ, извольте вставать! Упорно крикнувъ Милашинъ надъ ухомъ юнкера и отступилъ. Юнкеръ приподнялся на локтѣ и, взглянувъ мрачно на своего мучителя, рѣзко сказалъ:

— Я тебѣ серьезно говорю: отстань... Слышалъ!...

— Я въ этомъ не причинень... Самы велите...

— Къ черту!...

Милашинъ юркнулъ за дверь, и совершенно во время, потому что въ него полетѣлъ сапогъ со шпорой... Однако, сапогъ невольно отлетѣлъ отъ глазъ рассердившаго юнкера. Онъ протеръ ихъ; сѣлъ на койку и възрошилъ свои волосы.

— Фу, чертъ! Какъ спать хочется... Милашинъ!...

— На водопой трубятъ, сказалъ Милашинъ.

— Знаю, что трубятъ. Что жъ ты раньше не будилъ!

— Рабудилъ насъ... Едва отъ сапога отвернулся...

— Ну ладно... Надо одѣваться... Принеси ка водицы похолоднѣе...

— Слушаю, сударь-баринъ.

— Сколько разъ и тебѣ говорилъ, чтобы ты меня такъ не звалъ. Зови Алексѣй Дмитриевичъ...

— Никакъ нельзя... въ военный... значитъ не порядокъ по имени-отчеству звать... а какъ ты именно только предъзакціи, значитъ и сударь-баринъ.

— Ну ладно!... Зови какъ хочешь... Давай воды!

Калининъ—это была фамилія юнкера—натянулъ реузымъ, надѣлъ сапоги и черезъ нѣсколько минутъ уже вышелъ на улицу. Впрочемъ, улицы не было, а вмѣсто нея стояла новизлазанная грязь, обильное слѣдствіе дождей въ сѣверо-кавказскихъ станицахъ.

По этой грязи распой собирался вѣзду. Каркасные кони шлепали копытами, разбрасывая во всѣ стороны живую кашпуду, дохлившую имъ до копытъ. Къ крыльцу хаты, въ которой квартировалъ Калининъ, подѣхалъ статный рабой солдатикъ, ведя въ поводу красивую черноглазую лошадь.

— Поближе! Поближе! Сказалъ Калининъ:—Грязь-то какава!.. Точко осенью...

Драгунъ поставилъ лошадей у самаго крыльца. Калининъ ловкимъ скачкомъ очутился на ея спинѣ, покрытой попоной, и тронулъ ее шелемъ въ бокъ. Выѣхали изъ станицы и изъ грязи. За околицей разстилалась голая степь. Направо, вдали, виднѣлись близкій городъ. Со всѣхъ сторонъ горизонтъ былъ затронужденъ горами. Налѣво онѣ подходили совсемъ близко, а прямо тянулись сѣвовой пѣсью. Трудно было сразу отличить ихъ отъ облаковъ. Громадный Эльбрусъ сразу бросился въ глаза своей бѣлой вершиной.

За станицей длинной вереницей вытянулся аспарадровъ. Вели коней на водопой вереть за дѣи отъ станицы. Дѣло въ томъ, что вода рѣчки, которая перебѣгала станицу, считалась вредной для коней, хотя ее пили и казаки и драгуны, а такъ какъ въ кавалерійскомъ полку перьял забота о лошади, то на водопой отправлялись къ верховью рѣчки, гдѣ

она, бурливая и чистая, пробивалась стремительным ручьем между камней горного края.

Яркое весеннее утро весело взглянуло в глаза Калинину. Он даже зажмурился. Свѣжий воздух, напоенный ароматами горы, степи и цветущих фруктовых деревьев, совсѣм разогнал его сон; он потянулся всѣм своим молодым тѣлом, разобрал полочке поводья и толкнув своего „Разбойника“, легкой рысью догнал удаляющуюся звезду. Дорога была каменистая и сотни конских ног мѣрно отбивали по ней дробь. Грязи здѣсь и въ поминѣхъ не было. По обѣимъ сторонамъ дороги гнулись кустарники, изъ котораго доносилось щебетанье птицъ. Въѣхали въ ущелье. Горы, казалось, надвинулись и были совсѣмъ близко. Но это былъ обманъ зрѣнія. Правда, горный воздухъ былъ такъ прозраченъ, что и за пять-шесть верстъ въ горахъ видны были двигающіяся фигуры, изъ вѣкторныхъ ущельй вились дымы: тамъ ютились сакли кабардинскихъ ауловъ. Стада спускались съ горныхъ отроговъ. Слышались звуки какого-то туземнаго инструмента: знакомый мотивъ точно плыл въ горномъ воздухѣ. И Калинину вспомнился знаменитая пѣсня изъ „Руслана“ „Ложится въ поле мракъ ночной“.. Заимствованная Глинкой изъ горныхъ пѣсенъ Кавказа.

Показалась и рѣчка. Коня почуввъ воду, ускорил шагъ.

II.

На обратномъ пути къ Калинину подѣхалъ другой конекъ—такъ звали въ полку волюю опредѣляющихся—высокій красавецъ Поляскій, похожій чертами безусаго лица на античную статую. Онъ служилъ во 2-мъ эскадронѣ, но такъ какъ оба эскадрона были размѣщены въ одной и той-же станціи, то оба конекра въ свободное время были неразлучны. Они называли себя „последними дружинами“, потому что въ нихъ однихъ еще сохранилась былая другавская узда, которую они проявляли кстаи и нектасти. Ихъ шалоши и выходы навлекали на нихъ разныя дисциплинарныя взысканія, но начальство только дѣлало видъ, что сердится. Въ сущности, и ему нравилась безшабашность этихъ двухъ юнцовъ. Въ полку были и другіе волюю-опредѣляющіеся, но одинъ отбывалъ повинности, какъ студентъ, и на него такъ и смотрѣли, какъ на случайнаго гостя полка „по недоразумѣнію“; другой былъ „маменькин сынотъ“, поруганный попенчию знакомаго эскадроннаго командира. Наконецъ, еще двое думали только о томъ, чтобы поскорѣе дослужиться до офицеровъ и не сходиться съ шалошнями и повѣсами Калининымъ и Поляскимъ, а когда прозвучала судьба сводила ихъ вмѣстѣ, то, обыкновенно, они становились жертвой какой нибудь шалоши и всегда оставались въ проигрышъ: „последніе дружини“ не упускали случая позабавиться на ихъ счетъ. Слова „последнихъ дружиновъ“ окончательно упрочились вслѣдствіе того, что они однажды послѣ гомерической вышки съѣхали верхомъ въ городъ почти съ незапутанной скалки, рискуя сломать голову. За это они дежурили не въ очередь по двѣ недѣли, но тѣмъ не менѣе ихъ сочили „молодцами“.

—Здорово, Поляскій, сказалъ Калинин:—знаешь новость?

—Экаменетъ? Какъ-же... Сегодня послѣ ученья.

—Самъ командиръ полка экзаменоватъ будетъ...

—Я ни въ зубъ толкнувъ.

—Я тоже. Авось сойдетъ. Лихо пройдемъ—вотъ и все... А ужъ на этомъ мы возьмемъ.

—Самъ-то командиръ ни черта не знаетъ. Пусть экзаменуетъ! Одна проформа.

—У тебя деньги есть?

—Нѣтъ. А у тебя?

—Есть. Одинъ рубль... Надо послать въ городъ. Я шапку и револьверъ, ты свое ружье.

—Опять стѣны останутся безъ украшеній...

—Что же дѣлать? Производство въ интера придется-же отпраздновать.

—Произведутъ-ли?... Однако, до свиданія. Еще увидитъ твой чертъ...

Онъ меня не терпитъ...

Пріятели разѣхались. Калининъ тронулъ шпорами „Разбойника“ и пустилъ его въ галопъ.

III.

Послѣ подвода чистили лошадей у коновязей. Это было своего рода священнодѣйствіемъ. Эскадронный, строгій человекъ, тонившійся недостаткомъ дѣятельности въ тѣсной сферѣ полковыхъ интересовъ и невозможностью израсходовать всю ту энергію, которой наградила его судьба, былъ очень възыскателенъ насчетъ чистоты. Онъ самозачно являлся нерядко въ коновязямъ, проводилъ рукой въ бѣлой перчаткѣ по лоснившейся спицѣ лошади и бѣда, если на перчаткѣ останется темное пятно.

— Какъ разъ морду почистить! говорилъ солдатъ:—покажетъ тебѣ, какъ надо чистить!..

Калининъ по большей части только присутствовалъ при чисткѣ; и эскадронный, и вахмистръ требовали, чтобы онъ находился тутъ-же—для порядка—но не доѣхали его умѣлю.

— Вы, господишь Калининъ, никогда не выучитесь—говорилъ ему вахмистръ Буревой, второсрочный служака, втянувшійся въ кавалерійское дѣло.

— Зачѣмъ-же мнѣ торчать? недоумѣвалъ Калининъ.

— А зачѣмъ, что порядокъ требовалъ, какъ въ ествѣ еще низкой чинъ, отвѣчалъ Буревой.

Взгля показалась конная фигура.

— Ыдетъ, проносилось по коновязямъ...

— Не дрыхлетъ, чертушка, говоримъ шлопотомъ.

Подѣхалъ на разгоряченномъ кабардицѣ маленький человекъ съ быстрыми глазами и выхоленными, черными, какъ смоль, бакенбардами. Конь тогда гордился своимъ наѣзникомъ. Да и нѣмѣтъ основаніе гордиться. Эскадронный валагалъ всю душу въ верхнюю узду.

— Здорово, братцы! Крикнулъ весело эскадронный.

— Здравія желаемъ.. Ваше.. бро.. бро.. дѣе.. раздалось въ отвѣтъ, но не такъ дружно, какъ раздалось обыкновенно, когда люди были въ строю.

— Приимъ лошадь, сказалъ эскадронный.

Солдатскіе подбѣжалъ эскадронный легко, „перышкомъ“ соскочилъ съ кабардинца.

— Юнкеръ, сюда! Крикнулъ онъ.

Калинину онъ подавъ руку. Онъ не притрагивался къ ней, требуя, чтобъ офицеръ говорилъ вольноопредѣляющемуся „ты“.

— Канцелярица! Объяснилъ онъ:— для чего это? Все равно офицеромъ будешь.

И онъ держалъ Калинина на офицерскомъ положеніи, что не мѣшало ему быть очень строгимъ.

— Здравія желаю, господинъ ротмистръ, сказалъ Калининъ.

— Здравствуйте. Вамъ извѣстно, что сегодня васъ будетъ экзаменовать на унтер-офицера командиръ полка?

— Такъ точно, господинъ ротмистръ.

— Послѣ вечерняго ученія. Вы подготовились?

— Надѣюсь...

— Знаю, что надѣетесь... Было вамъ время готовиться! Когда?.. во время кружей съ вашимъ другомъ Поляскимъ? Когда съѣзжали съ горы и чуть не погубили лошадей?.. Стыдно-съ...

— Я повторилъ все, господинъ ротмистръ.

— Смотрите, чтобъ мнѣ не краснѣть... А сигналамъ знаете?

— У меня слухъ очень плохой, господинъ ротмистръ.

— Пустяки... Извольте передъ обѣдомъ вѣять трубочка и повторить. А то вы „галопомъ“ отъ „русси“ не отличите... А „повзводно на лѣво кругомъ“— жай рисью!— это для васъ труднѣе оперы Вагнера.

— Я вслѣшии старался, но нѣтъ слуха...

— Долженъ быть... Хорошъ будетъ офицеръ... Не знаетъ сигналавъ... Это что?— Ротмистръ началъ напѣвать. Тамъ-та-та-тамъ-та...

— Рисью разманистой, но не распущенной, для сбереженія коней— наудачу сказалъ Калининъ.

— Слава Богу... Угадалъ... Такъ смотрите: не ослрамитесь. Не видите:— на десять декурствъ... Это что? Видужъ крикнулъ ротмистръ, замѣтивъ, что одинъ другіи хлопнулъ рукой лошади, не стоящую на мѣстѣ:— коня бити!.. Распротокакой силой слыш... (Ротмистръ виртуозно ругался такъ, что приводилъ въ изумленіе даже другіи). Онъ придумывалъ такія вариации при воспоминаніи о родителяхъ, что обруганный становился вступилъ... Я тебѣ!.. Быть умѣешь, а чистишь какъ?.. Ротмистръ провелъ перчаткой подъ грудью лошади, взглянулъ на нее и вслѣдъ за тѣмъ раздалась полновѣсная оплеуха.

— Такъ то чистишь!.. Ахъ ты... распропропро... Вахмистръ! Подъ ружье его... на два часа!..

Ротмистръ былъ «странный человѣкъ»: жившая въ немъ энергія, томившаяся подъ гнетомъ пошлой обиденщины, находила у него выходъ въ мордобойствѣ и днями вспыхивала. Онъ былъ не злой человѣкъ, солдатъ любить по своему и беречь ихъ, заботился о нихъ, но не умѣлъ сдерживать свою горячность. Воспитанный въ традиціяхъ, возводившихъ мордобойствѣ въ служебное правило, онъ не сознавалъ унизительность такихъ расправъ для самого себя.

— Другой мальцедемъ не тронешь, горячился онъ:— а я его, разъ— этики!.. А чтобъ подъ судъ отдать, человѣка погубить— никогда... На мнѣ крестъ есть... Обойдя колованъ, ротмистръ всколочилъ на кабардинца и поскакалъ въ степь. Только пыль вилзала. П—иъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Изъ пѣсенъ рабочаго.

(Отрывокъ).

Тотъ можетъ борцомъ быть съ владыкою— зломъ,
 Кто смотритъ на солнце свободнымъ оромъ,
 Кто любитъ широкій, безбрежный просторъ,
 Вершины заоблачныхъ горъ!...
 Кто сохнетъ не продать за блескъ серебра,
 Кто хочетъ страдальчу-народу добра,
 Кто огненнымъ словомъ пороки клеймитъ,
 Кого эшафотъ не страшитъ!..

***

Тотъ можетъ борцомъ быть съ владыкою— зломъ,
 Кто съ дѣтства простился съ родимымъ селомъ.
 И, грустный явился съ холщевой сумой
 На фабрику, въ городъ большой...
 Кто горько, безъ воли и счастья живетъ,
 Безъ смѣны трудится и долу клянцетъ...
 Тотъ змяи поднимаетъ могучей рукой
 На битву съ гнетущею тьмой!..

Семеновъ Тихій.

Сатира, шутка, шаржъ.

Какъ я, чуть было, не сдѣлался министромъ.

Я видный общественный дѣятель, что достаточно извѣстно. Даже мои друзья это признаютъ, хотя друзья вообще самыя сдѣхидны въ этомъ отношеніи народъ. Это мнѣ Проходимскій угадъ обязанъ окраской тумбъ и перилъ на земскихъ мостахъ, что удивительно скрашиваетъ пейзажъ. Кроме того, это я сказалъ блестящую рѣчь по поводу необходимости введенія въ курсъ народныхъ школъ новаго предмета: вышиванія по канвѣ.

Однако, моя биографія была бы далеко не полна, если бы я остался до конца дней своихъ только общественнымъ дѣятелемъ. Я давно уже конституирую въ себѣ способности государственныя.

Одна изъ моихъ чертъ: способность угадывать моментъ.

Послѣ роспуска Думы я понялъ, что мой моментъ насталъ.

Для того, чтобъ сдѣлать покусунѣ заваренную имъ бюрократическую кашу, правительству понадобилось одобрить ее общественными силами.

Насолять общественными дѣятелями и приправить масломъ либерализма.

Но гдѣ достать общественныхъ дѣтелей?

Они есть, но каждый имѣетъ неприятное качество: каждый придерживается той или другой программы.

Правительству же нужны люди безо всякой программы: иначе

кашу можно переслать.

Отказались все дятелы, к которым обращались: ни один не хотѣлъ оставить свою программу дома, а в кабинет войти съ листомъ Московскихъ Ведомостей въ карманѣ.

Тогда изъ патриотизма рѣшился выступить я: я именно такой дятель, какого нужно правительству: дятель безъ программы.

Вся моя программа въ трехъ словахъ: „смотря по обстоятельствамъ“...

Эта программа лучше даже Гучиковской:

„Сегодня такъ, а завтра этакъ“...

Лучше Сиховичевской:

„Ни верна овалъ“...

Лучше Шаповской:

„Дѣла начкуютъ: дальше отъ нухъ“...

Мало чувствовать въ себѣ государственныя силы. Силъ еще недостаточно для того, чтобы сдѣлаться министромъ.

Для этого нужно быть приванчимъ.

Къ счастью я имѣю вѣрную руку въ Петербургѣ. Я обратился къ этой рукѣ. Я началъ такъ:

„Въ эпоху великаго потрясенія отечества священной обязанностью благомыслящихъ является служба, (не шая живота)—

Осида сдѣловалъ:

„Головъ работать всѣмъ животомъ своимъ на поприщѣ министра“...

Моя Петербургская рука одерена большою сообразительностью.

Она чувствовала въ себѣ государственныя силы и выдающихся способностяхъ такого истиннаго дятеля, какъ я.

Оставалось ждать.

Наконецъ дождался: рука вызвала меня телеграммой.

Явился. Рука объяснила, что ей поручено опунать мои политическія убѣжденія. Отъ этого опуныванія зависить де и министерское назначеніе.

Внутренню смѣхнувшись, (т. е. убѣжденій то у меня нѣтъ)—и предоставилъ рукѣ произвести экспертизу этого пустого мѣста.

Рука: Ваше мнѣніе о роспускѣ Думы?

Я: Осмотрительно время отъ времени снимать съ плиты горшокъ со шами, дабы они не выкипели и не поили черезъ край.

Рука: Основательно. Ваши мнѣнія объ аграрныхъ вопросѣхъ.

Я: Весь вопросъ одно сплошное недоразумѣніе: можно ли серьезно говорить о безземельѣ и малоземельѣ въ странѣ, гдѣ есть еще столько неиспользованныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ.

Рука: Превосходно. Ваше мнѣніе о вѣншемъ займѣ?

Я: Если дадутъ—вѣдь.

Рука: Конечно. Ваше мнѣніе о займѣ внутреннемъ?

Я: Ничего проще: не надо только предлагаемую мной операцію называть займомъ. Предлагаю же я новый налогъ.

Рука: ??

Я: Вѣтъ хлѣба жить нельзя. Это аксіома. Поэтому одновременно использовать въ цѣляхъ государственныхъ эту природную необходимость.

точно вѣрною существующую въ интересахъ фиска. Ничего нѣтъ проще: для этого сдѣлать накладывать казенное клеймо на каждый печеный хлѣбъ и за это приложеніе выдать опредѣленный акцизъ.

Рука: Не вылезетъ ли такая мѣра народной вспышки?

Я: Несомнѣнно. Но эта мѣра отвлечетъ умъ отъ аграрнаго вопроса, который болѣе жется.

Рука: Политично. Ваше мнѣніе относительно реакціи?

Я: Она вполнѣ своевременна. Въ сущности, движеніе впередъ тоже, что и движеніе назадъ. Понятно: если кто нибудь будетъ двгаться все время прямо впередъ, то, въ концѣ концовъ, благодаря шарообразности земли, оно придетъ назадъ—къ той точкѣ, отъ которой пошелъ впередъ. Не проще ли прямо пойти назадъ, вернувшись тотчасъ послѣ начала движенія?

Рука: Математично. Что вы думаете о Выборгскомъ возваніи?

Я: Думаю, что если бы оно было официально напечатано въ Правительственномъ Вѣстникѣ, то не получило бы никакого распространенія.

Рука: (сурово). Не находите ли вы, что это уже критика на дѣйствія того самаго кабинета, въ который вы намѣрены вступить?

Я вдругъ попалъ свою оплошностью. Да если бы и оставались какія либо сомнѣнія, то они бы сразу разсыпались потому что Рука вдругъ начала какъ то странно складываться и вдругъ превратилась въ одну большую „и ш ш“...

Гуштинск.

ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА
М. М. ЛИБИНЗОНЪ.
Москва, Мясницкая, Златоустов. пер. д. № 1.

ТВЕРДАЯ и
ГИВКАЯ

ВЪ ЛИСТАХЪ.
ПАЛКАХЪ.
ТРУБКАХЪ.

Всѣ размѣры на складѣ.

ПРОДАЖА НОВЫХЪ И СТАРЫХЪ КНИГЪ
ГЛАЗУНОВА.

Большая Покровка домъ Заплатина.

„ДѢТСКІЙ МУЗЕЙ“ НА ДНЯХЪ ПЕРЕВОДИТСЯ

на Б.-Покровку, Зданіе Старой Управы, близъ входа въ Городскую Библиотеку.

Акционерное Общество

Иванъ Любимовъ и К^о

ПАССАЖИРСКОЕ ПАРОХОДСТВО

совершаетъ ежедневные рейсы между Рыбинскомъ, Н.-Новгородомъ, Названью, Пермию, Усольемъ и Чердынию.

БУКСИРНОЕ ПАРОХОДСТВО.

ежедневно рейсуютъ между Пермью и Н.-Новгородомъ и кромѣ того по особымъ назначеніямъ, по рѣчкамъ: Волга, Камъ, Вяткѣ и Бѣлой.

Транспортирование грузовъ.

производится какъ пассажирскими и буксирными пароходами, во время навигаціи, такъ, по вѣрѣ извѣстности, желѣзными дорогами или на лошахъ:

въ Астрахань, Барнаулъ, Березники, Галево или Усть-Рѣчки (Воткинскій заводъ), Гольяны (Ижевскій заводъ), Добрянку, Енаторинбургъ, Елабугу, Ирбитъ, Названъ, Намышловъ, Кинешму, Кострому, Лодзь, Левшину, Москву, Н.-Березовку, Ново-Николаевскъ (ст. Обь), Нижний-Новгородъ, Осию, Осу, Пермь, Петропавловскъ (Ахматовск. об.), Пову, Подвалу, Рыбинскъ, Сарулу, Саратовъ, Семипалатинскъ, Сладуну, С.-Петербургъ (Пискаревской Островъ, 1-й ялп. д. 48), Тонскъ, Тожню, Усолье, Царицынъ на Волгѣ, Чудамы, Чермозъ (Усть-Кочма), Чистополь, Шадринскъ и Ярославль, до станціи Пермской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ, а во время навигаціи до всѣхъ пристаней по рѣкамъ: Камъ и Волгѣ, съ вѣз. притоками и по рѣкѣ Западной Сибири.

Торговля Пермекой солью.

въ Вяткѣ, Назани, Котельничѣ, Нукарѣ, Малмыжѣ, Медвѣдицѣ на Вяткѣ, Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Нолинскѣ, Орловѣ и Полянкахъ на Вяткѣ, Сарулу, С.-Петербургѣ. (Газетная, № 49), Чистополь, Кинешму, Кострому, Рыбинскъ и Ярославль.

Правленіе Общества въ Москвѣ, на Варваркѣ, въ д. Бр. Максимовыхъ.

Агенты имѣются во всѣхъ вышеперечисленныхъ пунктахъ.

Телеграфный адресъ всѣмъ: „ЛЮБИМОВО“.

ПАРОХОДСТВО ЗВОРЪКИНЫХЪ

ежедневно

отправляетъ пароходы отъ НИЖНЯГО до МУРМОА въ 11 час. дня. Пристань въ Благовѣщенской слободѣ. Телефонъ № 89662.

БЪЛЪЕ

принимаю заказы на мужское и дамское бѣлье.

Большая Покровка домъ Гусевъ кв. Г-жи Перякиной.

ИЩУ РАБОТЫ

могу лудить и чинить мѣдную посуду.

Тамъ же Бѣлошвейна

Нижній Базаръ, Рождественская ул. домъ Гребенщикова въ мезонинѣ.

ПАРОХОДСТВО

Ф. Е. КРѢПИШЪ ПРЕЕМНИКЪ,

совершающее рейсы между Н.-Новгородомъ и КОЛОГРИВОМЪ на р. Унжѣ, съ 4-го іюня совершаетъ правильные еженедельные рейсы: въизъ по Волгѣ до с. ЮРКИНА и обратно. Отглазъ пароходовъ отъ Нижегородской пристани между Красными казармами въ 11 час. утра изъ с. Юркина въ 9 ч. вечера

Товарищество

ВЯТСКО-ВОЛЖСКАГО ПАРОХОДСТВА

ежедневное отправленіе пассажирскихъ пароходовъ.

Отъ НИЖНЯГО до КАЗАНИ, ЧИСТОПОЛЯ и МЕДВѢДОКЪ, съ пересадкою въ Соколкахъ, въ 3 часа дня. Такса на пробѣжъ пассажиромъ отъ НИЖНЯГО до КАЗАНИ: 1 кл. 2 р. II кл. 1 руб. 50 к. III кл. 50 коп. Отъ ЧИСТОПОЛЯ 1 кл. 4 р. 60 к., II кл. 2 р. 40 к., III кл. 90 коп.

Срочное отправленіе пароходовъ изъ НИЖНЯГО въ МОСКВУ по р.р. Окѣ и Москвѣ съ однимъ желѣзнымъ бѣрказомъ. Грузы принимаются на всѣхъ пристаняхъ р. Вятки, помѣщенные въ роспашину, а также по р.р. Камѣ, Волгѣ, Окѣ и Москвѣ. Съ отдачи грузовъ просить обращаться на пристани Товарищества на Сибирской и Городской у Красныхъ казармъ. ТЕЛЕФОНЪ,

Книжный магазинъ

„Н О В Ъ“.

Нижний-Новгородъ Осыпная, улице.

Книги, газеты, журналы, брошюры, гравюры
Составленіе библиотекъ.

Торговый Домъ

Г. Сегаловъ съ Сыновьями

въ Москвѣ,
Маросѣвка, д. Еремѣвыхъ.

Телефонъ № 46—41. †
Адресъ телеграммъ:
Москва, Сегалову.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
РУССКИХЪ КУСТАРНЫХЪ ИЗДЕЛІЙ
ИГОЛЬНО-ГАЛАТЕРЕВНЫХЪ ТОВАРОВЪ

ШЕЛКОВЫХЪ, ГРОДНА ПЛЕВЫХЪ.

и Другихъ Лентъ.

φ
69210

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За шесть мѣсяцевъ . . . . . 3 р. — коп.
„ одинъ мѣсяць . . . . . — 60 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера . . . . . — 10 коп.

По обстоятельствамъ отъ редакціи не зависящимъ № 2-ой журнала не могъ выйти ни въ субботу 5 сего Августа, ни въ среду 9-го.

Редакція удовлетворитъ г.г. мѣсячныхъ подписчиковъ 2-мя №№ изъ слѣдующаго мѣсяца.